

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.029

УДК 32.327

Н.С. КИРДА

аспирант Института стран Азии и Африки

Московского государственного университета имени

М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ СПОРОВ МЕЖДУ ТАДЖИКИСТАНОМ И СОПРЕДЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена трансформации системы региональной безопасности в Центральной Азии в контексте разрешения многолетних территориальных противоречий. В фокусе внимания находится переход от острой фазы эскалации к постконфликтному транзиту в Ферганской долине на фоне обостряющихся демографических вызовов и дефицита природных ресурсов. Цель исследования заключается в комплексном анализе дипломатических процессов и практических итогов разрешения территориальных споров Таджикистана с сопредельными государствами. Работа опирается на системный и политико-правовой анализ межгосударственных соглашений, деклараций, а также современных подходов к совместному управлению логистической и водно-энергетической инфраструктурой. Исследовано развитие переговорного процесса, кульминацией которого стало подписание серии договоров в 2024–2025 гг. Фундаментальным фактором дипломатического успеха стал отказ стран от конфронтационных стратегий в пользу модели компромиссов. Данный подход был реализован через взаимный обмен земельными участками, внедрение нейтрального статуса для ключевых транспортных артерий и создание взаимовыгодных механизмов эксплуатации гидроэнергетических объектов. Обозначено стратегическое значение многосторонних деклараций как концептуальной базы новой архитектуры партнерства, полностью исключающей модель «игры с нулевой суммой». Установлено, что успешное решение территориального вопроса де-юре не означает автоматического устранения потенциала для напряженности на местах. Для обеспечения долгосрочного мира государствам предстоит решить комплекс практических задач: завершить демаркацию рубежей, провести адаптацию переселяемых граждан, выработать устойчивые институты совместного водопользования в условиях усиления экологического кризиса, а также реализовать гуманитарные программы для восстановления доверия среди приграничного населения.

Ключевые слова: Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, приграничный конфликт, делимитация границ, Ферганская долина, Худжандская декларация, водные ресурсы, постконфликтное урегулирование, Центральная Азия.

Распад СССР оставил странам Центральной Азии сложный клубок территориальных противоречий, которые десятилетиями служили одним

из катализаторов региональной нестабильности. Особое место в этом контексте занимает Таджикистан, где процессы делимитации границ с соседними государствами региона сопровождались серьезными кризисами, вплоть до масштабных столкновений с Киргизией в 2021–2022 гг. Однако архитектура безопасности региона кардинально изменилась весной 2025 г., когда многолетние приграничные споры получили окончательное юридическое разрешение. Подписание Договора о государственной границе между Таджикистаном и Киргизией, а также ратификация трехсторонних актов о точках стыка границ завершили эпоху сложнейших дипломатических переговоров.

Ввиду упомянутых событий актуальность исследования смещается с поиска путей решения открытых конфликтов на анализ успешного международного прецедента и изучение проблем постконфликтного транзита. Ферганская долина по-прежнему остается в центре внимания. Несмотря на то что де-юре территориальный вопрос закрыт, проблемы практической демаркации участков на местах, полномасштабной демилитаризации приграничья, а также выработки механизмов совместного управления ресурсами и восстановления доверия между локальными сообществами все еще требуют детального научного осмысления. Целью статьи является комплексный анализ процесса и итогов урегулирования приграничных споров Таджикистана с сопредельными государствами Центральной Азии.

Фундамент современных конфликтов был заложен в 1920-х гг., когда в ходе национально-территориального размежевания прокладывались границы между республиками. Ответственные за размежевание должностные лица не принимали во внимание многовековую историко-культурную реальность региона. Границы задумывались в первую очередь как внутренние административные рубежи, а не как будущие государственные [18]. Следствием этого стало возникновение множества районов с этнически смешанным населением, особенно в Ферганской долине [40. С. 9–10].

«С приходом советов и претворением в жизнь ленинской национальной политики, которая опиралась на ту территориальную систему, которая была создана управлением Туркестанского края, образование новых республик произведено без учета исторических границ проживания народов, произошло смещение раннее существовавших границ, вклинивание одной территории в другую, так образовались анклав» [27. С. 2188].

Ситуацию дополнительно осложняла размытость советского законодательства. На протяжении всего советского периода границы периодически пересматривались, а нечеткие формулировки нормативных актов каждая сторона трактовала в свою пользу. Именно поэтому Таджикистан долгое время апеллировал к картам 1924–1929 гг., а Киргизия настаивала на картах 1950-х гг. [2. С. 451–454]. По картам 1920-х гг. таджикский район Ворух анклавом не являлся и стал им лишь в середине XX века в связи с необходимостью логистического обеспечения строительства Торткульского водохранилища в Баткенской области Киргизии [19].

Одной из ключевых проблем современного мира является дефицит водных ресурсов. Не стали исключением и страны Центральной Азии, где эта тема встала особенно остро. При советской власти вопрос водопользования решался централизованно: Управление по регулированию водоснабжения распределяло ресурсы между республиками в соответствии с их потребностями, а Объединенная энергосистема обеспечивала баланс интересов. Страны верховья (Таджикистан и Киргизия) накапливали воду зимой и получали в обмен углеводороды от стран низовья (Узбекистана, Казахстана и Туркменистана). Летом накопленная вода сбрасывалась для орошения полей стран нижнего течения, где выращивались требующие много воды хлопок и рис. С распадом СССР этот механизм исчез, а управлять совместными гидроэнергетическими ресурсами стало некому [10. С. 8-13]. Устаревшая ирригационная инфраструктура лишь усиливала дефицит воды [17. С. 391-392].

На этот институциональный вакуум наложился демографический взрыв. За последние сто лет население Центральной Азии выросло более чем в 13 раз и превысило 80 миллионов человек, в то время как площадь орошаемых земель на душу населения сократилась с 0,6 га до 0,18 га [5. С. 124]. Разрыв между количеством людей и доступными ресурсами неуклонно растет, создавая почву для межнациональных и межгосударственных споров. Долгое время эпицентром пограничных конфликтов являлась Ферганская долина. Плотность населения здесь выше, чем в среднем по региону, и составляет около 200 чел/км². На каждого жителя долины приходится почти в 2 раза меньше земли, чем в остальной Центральной Азии (0,1 га против 0,18 га), а каждый четвертый взрослый не имеет работы [23. С. 51]. Особенно показателен в плане усиления демографического давления джамоат Ворух: с 1990-х гг. его население увеличилось более чем в пять раз (с 8 000 до 45 000 человек) [39. С. 337].

Отметим, что современные конфликты – это результат одновременного действия сразу нескольких взаимосвязанных факторов: исторически произвольно проведенных границ, разрушенной системы управления общими ресурсами и стремительного роста населения при сокращении доступных земель и воды. Совокупность этих факторов и привела к возникновению межнациональных споров в регионе.

Основным базисом современных международных отношений, в том числе решения межгосударственных конфликтов, является принятый в 1945 г. Устав Организации Объединенных Наций. Согласно пункту 3 статьи 2, члены организации должны разрешать свои международные споры мирными средствами и не подвергать угрозе международный мир и безопасность. Статья 33 Устава регламентирует решение спорных вопросов, включая пограничные конфликты, «путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» [32].

Правовой основой делимитации постсоветских границ является Алма-Атинская декларация 1991 г. Данный документ содержит основные принципы

и цели СНГ. В контексте решения пограничных споров особенно важен пункт о признании и уважении государствами-подписантами территориальной целостности друг друга, а также о нерушимости существующих границ [3]. За основу решения территориального вопроса на постсоветском пространстве был принят правовой принцип *uti possidetis*, т.е. сохранение существующих на момент обретения независимости административных границ в качестве государственных.

Эти документы задали рамку, в которой пограничные споры должны решаться мирно, на основе права и согласия сторон. Дальнейший процесс делимитации и демаркации в регионе проходил с опорой на установленные Уставом ООН и Алма-Атинской декларацией принципы. Конкретные линии границ устанавливались на основе двусторонних соглашений.

Немаловажным фактором, повлиявшим на откладывание переговорного процесса между центральноазиатскими республиками, стал вопрос делимитации и демаркации с Китаем, который претендовал на ряд спорных территорий на границе с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. В итоге, государства региона зачастую воспринимали претензии Китая как более существенную внешнюю угрозу и отдавали приоритет переговорам с Пекином, в которых они были вынуждены идти на уступки более крупному и влиятельному соседу [24. С. 86-91].

Дипломатические отношения между Таджикистаном и Узбекистаном были установлены 22 октября 1992 г. [38]. В связи с продолжавшейся в 1992-1997 гг. гражданской войной в Таджикистане ключевым вопросом для республики было установление мира, а затем преодоление последствий войны. Стоит отметить, что Узбекистан сыграл важную роль в завершении конфликта. Межправительственная комиссия по делимитации и демаркации государственной границы Таджикистана и Узбекистана была создана только в 2000 г. Во время визита первого президента Узбекистана Ислама Каримова в Душанбе в 2002 г. было подписано Соглашение о государственной границе Таджикистана и Узбекистана. Было согласовано 86% линии государственной границы (около 1 100 км) [35]. Однако в дальнейшем процесс замедлился из-за ухудшения отношений между Душанбе и Ташкентом.

Основным спорным вопросом между двумя государствами являлось строительство Рогунской ГЭС, которая с мощностью 3 750 МВт была призвана стать крупнейшей ГЭС в регионе и обеспечить энергетическую независимость Таджикистана. Руководство Узбекистана выступало против строительства станции, аргументируя это рисками катастроф в сейсмоопасной зоне и угрозой сокращения стока Амударьи, что нанесло бы удар по аграрному сектору узбекской экономики [6. С. 559-560]. Другим источником напряженности была принадлежность Фархадской ГЭС, на которую претендовали оба государства.

Серьезной проблемой на пути решения спорных вопросов в течение долгого времени являлось укрепившееся в таджикском обществе мнение о том, что Бухара и Самарканд являются исключительно таджикскими городами и составляют неотъемлемую часть таджикской культуры и нации. В частности,

подобного мнения активно придерживался академик Р.М. Масов, посвятивший этой теме несколько книг [18]. Тем не менее, в этом вопросе официальные власти Таджикистана придерживались курса на деэскалацию, продвигая риторику признания существующих границ.

Помимо этого, проблемой стало минирование границы. Исламское движение Узбекистана (1) совершило в 1999 г. несколько рейдов на территорию Узбекистана из Таджикистана. Опасаясь дальнейшей эскалации конфликта, правительство Узбекистана приняло решение о минировании границы. Стоит отметить, что даже после стабилизации обстановки разминирование не было проведено. Такое положение сохранялось на протяжении более 20 лет, вплоть до 2019 г. [35].

В связи с заминированными границами прямые столкновения между местными жителями были довольно редкими. Чаще всего конфликт между двумя странами выражался в рамках экономического и политического противоборства. Узбекистан устраивал транспортные блокады Таджикистана, взорвал железнодорожный мост «Галаба-Амузанг», связывавший две страны, повышал цены на свое сырье, в одностороннем порядке вводил визовый режим, вынуждая Таджикистан принимать ответные меры [26. С. 157-158]. Посольство Таджикистана в России прокомментировало осложнение отношений с Узбекистаном следующим образом: «Действия узбекской стороны противоречат столетиями формировавшемуся духу традиционной дружбы и добрососедства между нашими народами, а также общепринятым нормам международного гуманитарного права и положениям большинства международных актов» [29].

Положительный сдвиг в отношениях связан с приходом в 2016 г. к власти в Узбекистане нового президента – Шавката Мирзиёева. Вскоре после этого активизировался процесс переговоров по статусу границы. В ходе визита Ш. Мирзиёева в Душанбе в 2018 г. был подписан договор, завершивший процесс делимитации. Через некоторое время началось разминирование границы. В результате переговоров также удалось решить споры относительно статуса гидроэнергетических сооружений. Территория, на которой находится Фархадская ГЭС, была признана таджикской, а сама станция считается собственностью Узбекистана [9]. В вопросе строительства Рогунской ГЭС Узбекистан перешел от жесткого неприятия проекта к пониманию его важности. Более того, в 2022 г. правительства подписали меморандум о намерениях Узбекистана экспортировать электроэнергию Рогунской ГЭС в летний период [31]. Ключевым прорывом стал отказ от взаимного блокирования энергетических инициатив и переход к практической реализации совместных проектов. Среди них выделяется строительство Яванской и Фандарьинской ГЭС в бассейне реки Зеравшан, функционирующих по особой взаимовыгодной модели: всю электроэнергию получает Узбекистан, а всю прибыль от работы станций – Таджикистан [15. С. 497]. Процесс демаркации границы был завершен в конце 2024 г. [28].

Стоит подчеркнуть, что проблемы в определении пограничной линии наблюдались также во взаимодействии Таджикистана с Киргизией. Дипломатические

отношения между двумя республиками были установлены 14 января 1993 г. [37]. На протяжении 1990-х гг. страны поддерживали дружественные отношения, президенты совершили по одному визиту в соседнюю страну: первый президент Киргизии Аскар Акаев посетил Таджикистан в 1995 г., а Эмомали Рахмон в 1998 г. – Киргизию. Однако на тот момент решение пограничного вопроса не стояло в центре внимания. Содержательный диалог по данному вопросу удалось наладить лишь в 2002 г. На протяжении следующего десятилетия стороны согласовали 519 км пограничной линии, что составляет более половины общей протяженности [1. С. 66]. Договор о добрососедских и партнерских отношениях 2004 г. подтверждает приверженность сторон дружественным отношениям. Согласно статье 7, «Стороны тесно сотрудничают в вопросах укрепления стабильности, спокойствия и осуществления мер доверия в районе киргизско-таджикской государственной границы» [7].

Осложнение двусторонних отношений начинается с 2012 г. Поводом послужило строительство Киргизией новой дороги, связывающей села Кок-Таш, Ак-Сай и Тамдык в обход таджикского анклава Ворух – единственного маршрута, соединявшего Лейлекский район Киргизии с остальной частью республики [25. С. 21-22]. Наиболее активно проект строительства объездной дороги продвигал глава села Ак-Сай Эркин Жолчиев. Администрация тогдашнего президента Киргизии Алмазбека Атамбаева приняла решение о строительстве трассы в 2013 г. Если до этого обе стороны пользовались общей трассой, то теперь Бишкек стремился избавиться от транзитной зависимости от Душанбе [22. С. 668].

Решение строить дорогу в обход Воруха резко обострило обстановку. С 2014 г. пограничные инциденты стали регулярными, а переговорный процесс оказался фактически заморожен. Лишь в ходе пограничной встречи в 2019 г. президента Таджикистана Эмомали Рахмона с президентом Киргизии Сооронбаем Жээнбековым, сменившим в 2017 г. А. Атамбаева, стороны вновь подтвердили намерение завершить делимитацию, а в 2020 г. было согласовано уже 60% линии государственной границы [14]. Но масштабные конфликты 2021-2022 гг. снова помешали переговорному процессу.

Переломным моментом стал сентябрь 2022 г., когда произошло масштабное вооруженное столкновение между двумя странами. По имеющимся данным, на стороне Таджикистана действовали люди в гражданской одежде без опознавательных знаков, один из которых, по словам секретаря Совета безопасности Киргизии Марата Иманкулова, был опознан как выходец из Афганистана [16]. Это свидетельствовало о риске проникновения в регион радикальных исламистских элементов. По данным агентства «Азия-Плюс», с таджикской стороны число погибших составило 59 человек, а с киргизской – 63 человека [4]. Примечательно и то, что столкновения пришлось на дни проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде (15-16 сентября 2022 г.), где одной из центральных тем было обсуждение Соглашения о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС на 2023-2027 гг. Это дает основания предполагать интерес внешних сил в дестабилизации деятельности

организации. 16 сентября в рамках саммита состоялась встреча президента Таджикистана Эмомали Рахмона с президентом Киргизии Садыром Жапаровым, в ходе которой главы государств достигли соглашения о прекращении огня [36]. Однако несмотря на достигнутую президентами договоренность, столкновения продолжались еще несколько дней, до 19 сентября 2022 г.

Именно этот инцидент заставил руководство обоих государств осознать, что конфликт вышел из-под контроля и несет угрозы, несопоставимые с любыми территориальными разногласиями. Переговоры возобновились и на этот раз увенчались успехом. После сентября 2022 г. крупных инцидентов на границе зафиксировано не было. На протяжении следующих двух лет продолжались переговоры, в которых Таджикистан представлял председатель Государственного комитета национальной безопасности Саймумин Ятимов, а Киргизию – тогдашний председатель Государственного комитета национальной безопасности Камчыбек Ташиев. Окончательных договоренностей стороны достигли в конце 2024 г., а в марте 2025 г. президенты двух стран официально подписали итоговое соглашение о границе [13]. Заметную роль в урегулировании сыграла Россия, которая предоставила Таджикистану и Киргизии доступ к оригинальным документам и картам советского периода [21].

Подписанный договор строился на принципе равноценного обмена. «Мы получили от Республики Таджикистан 190 гектаров – они получили от Киргизской Республики 190 гектаров. Все участки были обменены равнозначно», – заявил в марте 2025 г. К. Ташиев, комментируя обмен на одном из участков. Киргизское село Достук перешло к Таджикистану, а его жители подлежат переселению в другой район Киргизии. Таджикистан, в свою очередь, согласился на уменьшение площади джамоата Ворух, получив взамен территорию вокруг анклава для обеспечения транспортного сообщения. Ключевые дороги получили нейтральный статус и стали доступны гражданам обеих стран. Специалисты по обслуживанию водных объектов смогут беспрепятственно работать на приграничных территориях вне зависимости от их государственной принадлежности. Общая протяженность зафиксированной границы составила 1006,84 км [30].

Началом нового этапа в отношениях Душанбе с Ташкентом и Бишкеком стал 2025 г. На территории Согдийской области Таджикистана 31 марта 2025 г. лидеры трех стран приняли участие в торжественном праздновании Навруза, после завершения которого была подписана Худжандская декларация о вечной дружбе. При подписании стороны руководствовались «принципами взаимного уважения, суверенного равенства и территориальной целостности». Договор от 31 марта 2025 г. закрепил точку стыка границ, на которой возводится стела как символ вечной дружбы трех народов. Договор гарантирует необратимость добрососедских обязательств. Согласно статье 4, «Настоящий Договор является бессрочным и не подлежит денонсации» [8].

Худжандская декларация о вечной дружбе выступает концептуально новой базой для стратегического партнерства и долгосрочной стабилизации всего региона. В отличие от ситуативных соглашений, новая модель исключает подход

«игры с нулевой суммой» и базируется на принципах доверия и взаимного учета национальных интересов. Ядром новой архитектуры взаимодействия становится обеспечение устойчивого развития и безопасности в Ферганской долине. Вместе с тем, соглашение демонстрирует стремление трех стран двигаться к более тесной интеграции на политическом, экономическом и социальном уровнях [33].

Э. Рахмон так прокомментировал подписание Худжандской декларации: «Мы остаемся верны древним и созидательным традициям дружеского сосуществования народов Центральной Азии. В этой связи в наших отношениях с соседними государствами мы придаем приоритет политике дружбы, добрососедства, невмешательства во внутренние дела друг друга, использованию дипломатических и политических средств в решении спорных вопросов, в том числе пограничных и водно-энергетических проблем» [12].

На официальном сайте МИД России отмечается, что «зафиксированные договоренности придадут новый импульс развитию добрососедства и партнерского взаимодействия между тремя государствами, будут способствовать обеспечению стабильности и безопасности на пространстве Центральной Азии в целом» [20]. В сентябре 2025 г. международное жюри объявило о присуждении Международной премии мира имени Л.Н. Толстого Эмомали Рахмону, Садыру Жапарову и Шавкату Мирзиёеву, подписавшим Худжандскую декларацию. В декабре того же года в Москве был проведен круглый стол, посвященный этой теме. В ходе дискуссии политологи подчеркнули роль декларации как новой модели дипломатических отношений, основанной на принципах гуманизма и межкультурного диалога. По словам члена экспертного совета при комитете Государственной думы по международным делам Ивана Сафранчука, «Худжандская декларация – доказательство того, что региональные проблемы могут решаться без давления и без вмешательства извне» [34].

Дипломатическая модель «вечной дружбы» знаменует собой исторический прорыв в консолидации Центральной Азии. Она превращает регион из зоны потенциальной напряженности в пространство совместного процветания, а также существенно повышает его общую геополитическую субъектность и экономическую привлекательность на международной арене. Вскоре после подписания декларации президент Узбекистана Ш. Мирзиёев предложил проект развития торговой инфраструктуры: «Предложено проработать вопрос создания трехсторонней торговой площадки, с организацией постоянно действующей выставки-ярмарки промышленной и сельскохозяйственной продукции» [11].

Таким образом, урегулирование приграничных споров между Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном стало результатом многолетнего и крайне сложного дипломатического процесса. Подписание в марте 2025 г. Худжандской декларации о вечной дружбе ознаменовало качественный сдвиг в региональной архитектуре безопасности. Конфликты в Ферганской долине получили юридическое разрешение, а сам регион сделал шаг к модели взаимовыгодного сотрудничества. Вместе с тем, подписание соглашений – лишь

первый шаг на пути к устойчивому миру. На практике странам предстоит решить целый комплекс задач.

Во-первых, необходимо завершить демаркацию границы на местности. Во-вторых, переселение жителей переданных другому государству сел, в частности киргизского Достука, требует осторожной социальной политики, исключающей возникновение новых очагов межэтнической напряженности. В-третьих, дефицит водных ресурсов в условиях продолжающегося демографического роста и деградации ирригационной инфраструктуры остается структурной проблемой, способной вновь обострить межгосударственные отношения при отсутствии четких механизмов совместного управления. Наконец, восстановление доверия между приграничными сообществами, пережившими вооруженные столкновения 2021-2022 гг., невозможно без целенаправленных программ межкультурного диалога, совместного экономического развития и гуманитарного обмена. Реализация намеченных проектов требует комплексных мер, которые способны наполнить провозглашенную «вечную дружбу» подлинным содержанием и превратить Центральную Азию в пространство долгосрочной стабильности и совместного процветания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Исламское движение Узбекистана признано террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдуллоева А.Р.** Приграничные взаимоотношения Таджикистана и Кыргызстана в постсоветском периоде: проблемы и решение спорных вопросов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2020. № 4.
2. **Аламанов С.К.** Анклавы в Центральной Азии: история вопроса и современные проблемы // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 5.
3. **Алма-Атинская Декларация** // <https://hrlibrary.umn.edu/russian/cis/Ralmatydecl.html>.
4. **Аслонова Н.** МИД Таджикистана обновил данные по погибшим на границе. А потом убрал эту информацию с сайта // <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20221010/mid-tadzhikistana-obnovil-dannye-po-pogibshim-na-granitse-a-potom-ubral-etu-informatsiyu-s-saita>.
5. **Борисова Е.** История развития конфликтов по поводу водных ресурсов в Центральной Азии в постсоветский период // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9.
6. **Власкина А.С., Крюкова Т.В.** Конфликтологический анализ ситуации вокруг Рогунской ГЭС методом аналитических сетей // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. № 4.

7. Договор между Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан о добрососедских и партнерских отношениях // <https://cbd.minjust.gov.kg/17564/edition/297617/ru>.
8. Договор между Республикой Узбекистан, Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан о точке стыка государственных границ трех государств // <https://lex.uz/ru/docs/7860582>.
9. Душанбе и Ташкент продолжают переговоры по демаркации таджикско-узбекской границы // <https://asiaplus.news/2019/04/18/dushanbe-i-tashkent-prodolzhayut-peregovory-po-demarkaczii-tadzhiksko-uzbekskoj-graniczy/>.
10. **Жильцов С.С.** Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 3.
11. Исторический документ – что подписали лидеры Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана // <https://uz.sputniknews.ru/20250331/chto-podpisali-lidery-uzbekistana-tadjikistana-i-kyrgyzstana-48666964.html>.
12. Историческое значение Худжандской Декларации о вечной дружбе // <https://tnu.tj/index.php/ru/istoricheskoe-znachenie-hudzhandskoj-deklaracii-o-vechnoj-druzhbe/>.
13. Историческое соглашение о Киргизско-Таджикской границе // <https://www.eurasian-research.org/publication/historic-agreement-on-kyrgyz-tajik-borders/?lang=ru>.
14. История территориального размежевания между Киргизией и Таджикистаном // <https://tass.ru/info/23386615>.
15. **Казимир Л.А.** Внешнеполитическое развитие Узбекистана: новые ориентиры // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 3.
16. **Кривошеев К., Карабеков К.** Киргизия и Таджикистан пришли к худому миру // <https://www.kommersant.ru/doc/5570661>.
17. **Маллаев Н.Р.** Международно-правовое регулирование трансграничных водных ресурсов государств Центральной Азии // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 5.
18. **Масов Р.М.** Таджики: Вытеснение и ассимиляция. Душанбе: Дониш, 2003.
19. **Нодиров Б.** Ворух чй гуна «анклав» шуд? // <https://asiaplustj.info/tj/news/tajikistan/20210417/voruh-ch-guna-anklav-shud>.
20. О подписании Договора между Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о точке стыка государственных границ трех стран и Худжандской декларации о вечной дружбе // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2006429/.
21. О подписании Киргизией и Таджикистаном Договора о государственной границе // https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2002984/.
22. **Ормоналиев К.О.** Современные киргизско-таджикские погранично-территориальные проблемы // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 9.
23. **Рязанцев С.В., Гарибова Ф.М.** Демографическое развитие Ферганской долины как приграничного региона Центральной Азии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3.

24. **Савкович Е.В.** Пограничное урегулирование на Западе КНР в 1990-2000-е гг. (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) // Вестник Томского Государственного Университета. 2010. № 336.
25. **Стащук Ю.В.** Особенности проявления пограничных противоречий между центральноазиатскими странами СНГ // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12.
26. **Сухроб Р.** Таджикистан – особенности взаимоотношений с государствами Центральной Азии // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2020. № 3.
27. **Сыздыкова Ж.С.** Ферганская долина: через диалог к сотрудничеству // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5.
28. Таджикистан и Узбекистан обсудили демаркацию границы // <https://eurasiatoday.ru/tadzhikistan-i-uzbekistan-obsudili-demarkatsiyu-granitsy/>.
29. Таджикистан обвиняет Узбекистан // <https://asiaplus.news/2012/04/03/tadzhikistan-obvinyat-uzbekistan/>.
30. Ташиев перечислил спорные территории, которыми обменялись Кыргызстан и Таджикистан // <https://fergana.agency/news/136808/>.
31. Узбекистан намерен закупать энергию с Рогунской ГЭС // <https://avesta.tj/2022/06/02/uzbekistan-nameren-zakupat-energiyu-s-rogunskoj-ges/>.
32. Устав ООН // <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
33. Худжандская декларация: больше, чем просто соглашение о границе // <https://eurasiatoday.ru/hudzhandskaya-deklaratsiya-bolshe-chem-prosto-soglasenie-o-granitse/>.
34. Эксперты обсудили прецедент Худжанда как новой модели дипломатии XXI века // <https://tass.ru/politika/25879993>.
35. Гуфтушунидҳои Тоҷикистону Ёзбекистон оид ба сарҳад чӣ гуна мегузаранд? // <https://cabar.asia/tg/guftushunid-oi-to-ikistonu-zbekiston-oid-ba-sar-ad-ch-guna-meguzarand>.
36. Мулоқот бо Президенти Ҷумҳурии Қирғизистон Садир Жапаров // <https://mfa.tj/tg/moscow/view/11021/muloqot-bo-prezidenti-jumhurii-qirgiziston-sadir-zhaporov>.
37. Муносибатҳои дуҷонибаи Тоҷикистону Қирғизистон // <https://mfa.tj/tg/bishkek/munosibatho/munosibathoi-dujoniba>.
38. Муносибатҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Ҷумҳурии Ёзбекистон // <https://mfa.tj/tg/main/view/145/munosibathoi-tojikiston-bo-uzbekiston>.
39. Тақсими маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон // сармуҳаррир Н. Амиршоҳӣ. Душанбе: СИЭМТ, 2022.
40. **Toktomushev K.** Promoting Social Cohesion and Conflict Mitigation: Understanding Conflict in the Cross-Border Areas of Kyrgyzstan and Tajikistan // University of Central Asia – Institute of Public Policy and Administration. 2017. Working Paper No. 40.

N.S. KIRDA

Postgraduate of Institute of Asian and African Studies,
M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

SETTLEMENT OF BORDER DISPUTES BETWEEN TAJIKISTAN AND ITS NEIGHBORING COUNTRIES IN CENTRAL ASIA

The article examines the transformation of the regional security system in Central Asia in the context of resolving long-standing territorial disputes. The focus is on the transition from the acute phase of escalation to post-conflict transit in the Fergana Valley amid growing demographic challenges and natural resource scarcity. The objective of the article is to provide a comprehensive analysis of the diplomatic processes and practical outcomes of resolving Dushanbe's territorial disputes with neighboring states. The methodology is based on a systemic and political-legal analysis of interstate agreements and declarations, as well as modern approaches to the joint management of logistical and water-energy infrastructure. The study explores the evolution of the negotiation process, which culminated in the signing of a series of treaties in 2024-2025. It reveals that the fundamental factor behind this diplomatic success was the states' abandonment of confrontational strategies in favor of a compromise-based model. This approach was implemented through equivalent land exchanges, the establishment of a neutral status for key transport arteries, and the creation of mutually beneficial mechanisms for operating hydropower facilities. The strategic significance of multilateral declarations is highlighted as the conceptual foundation for a new partnership architecture that completely excludes the «zero-sum game» model. The research establishes that the successful de jure resolution of the territorial issue does not automatically eliminate the potential for local tensions. To ensure long-term peace, the states must address a comprehensive set of practical challenges: completing the demarcation of borders, facilitating the adaptation of resettled citizens, developing sustainable institutions for joint water management under environmental pressure, and implementing humanitarian programs to rebuild trust among border communities.

Key words: Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, border conflict, border delimitation, Fergana Valley, Khujand Declaration, water resources, post-conflict settlement, Central Asia.